

РАЗДЕЛ IV. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

И.А. ВАУЛИНА

(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)

«ПАРАДОКСАЛЬНАЯ» ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА КАК ФАКТОР ЭКСПРЕССИВНОСТИ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ

Аннотация: В статье экспериментально выявляются аспекты восприятия экспрессемы *офонареть*, обусловленные спецификой внутренней формы (ее «парадоксальным» характером), интенсивной семантикой, сниженным стилистическим регистром

Ключевые слова: «парадоксальная» внутренняя форма, психолингвистический эксперимент, языковое сознание, метод прямого толкования значения слова

Важным фактором экспрессивности лексической единицы выступает ее *внутренняя форма*. Вслед за О.И. Блиновой, мы понимаем внутреннюю форму как «морфо-семантическую структуру слова, позволяющую объяснить связь его звучания и значения» [Блинова 2007: 61]. Внутренняя форма слова является связующим звеном между планом содержания и планом выражения языкового знака, воплощена «в морфной структуре, но ориентирует она на то, что значение этой структуры – органическая часть лексического значения» [Голев 1989: 24].

Экспрессивность внутренней формы слова обусловлена характером взаимодействия его формальной и содержательной сторон. Экспрессивное соотношение формы и содержания проявляется в двух аспектах: 1) в единстве, когда форма «поддерживает» в значении сему *интенсивности* или образности, и это находит воплощение в структурном облике слова (ср., например, *кровопийца, дубоголовый, дармоед, голодранец, подкаблучник, сногшибательный, ишачить*, и др., мотивация которых отражает экспрессивно-образную характеристику обозначаемого); 2) в наличии противоречия, «конфликта» между значением

и формой. Во втором случае речь идет о словах с «парадоксальной» внутренней формой [Матвеева 1986: 54], когда производное слово, казалось бы, прозрачное по своей внутренней форме, содержит «даже не намек, а настоящую загадку». Таковы, например, экспрессивные глаголы *залимонить*, *усвистать* со значением сильного удара (первый глагол) и быстрого удаления (второй глагол), никак напрямую не вытекающее из семантики мотиваторов *лимон* и *свистеть*. Мотивировочный признак в таких случаях трудно выводим (или вообще не может быть объяснен – во всяком случае с синхронной точки зрения), хотя формальная производность (связь с мотивирующей основой) в таком «экспрессивном производном слове прочитывается, осознается очень легко» [Матвеева 1986: 54]. Ср *присобачить* «*груб., прост.* прикрепить, приделать что-либо к чему-либо» [МАС, 1999. т.3: 441], *вмандаринить* «*разг.-сниж. шутол.* то же, что выпить» [БТСРЯ 2008: 254], *раскупороситься* «*разг.* рассердиться друг на друга, рассориться», *усвистать* «*прост.* уйти (как правило, быстро)» и др.

Собственно именно парадоксальность внутренней формы таких единиц (преимущественно снижено разговорных, просторечных и диалектных глаголов, выражающих интенсивно проявляющийся признак) и создает их экспрессивность. Источником экспрессивности в таких словах служит противоречивый характер соотношения формы и содержания языкового знака: лексический мотиватор считывается, но оказывается как бы «случайным», совершенно чуждым данному значению, и принадлежит к иной предметной области.

Полагаем, следует разграничивать явления собственно «парадоксальной» мотивации, когда в основу наименования изначально кладется какой-то «нерациональный» признак, и процессы, связанные с утратой внутренней формы, которая перестает быть актуальной для современного носителя языка и выявляется только в результате этимологического анализа: внутренняя форма, утрачиваясь, оставляет после себя семантически «опустошенную» оболочку (так, например, существует версия происхождения глагола *огорошить* «*Разг.* Поразить, озадачить чем-л. неожиданным; ошеломить» [МАС, 1999. т.2: 588] от обычая обсыпать горохом боярина, завравшегося за столом царя

(как правило, неожиданно, из-за спины [Виноградов <http://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=ogoroshit&vol=2>]). Забвение первоначального мотива номинации, сопутствующих этому обстоятельств, изменение культурно-исторического контекста, собственно лексико-семантические процессы – источник синхронно «парадоксальной» связи мотивационной формы с лексическим значением слова.

В любом случае (независимо от причины возникновения данного феномена) «парадоксальная» внутренняя форма предполагает, что в структуре слова осознается «произвольный», «случайный» мотиватор, не проясняющий лексического значения (слово является производным, но связь между его значением и наименованием остается семантически не выводимой). Ср. случаи парадоксальной мотивации слов в детской речи, когда поиск значения направляется случайными формальными ассоциациями незнакомого ребенку слова с понятным, знакомым «корневым» элементом (*орел должен орать, ртуть – это что-то для рта* и т.п.) Кроме того, знаменателен и тот факт, что в детской речи происходит коррекция слов с лексикализованной внутренней формой, или так называемая уточняющая реноминации (термин Т.А.Гридиной): *рыжка* вместо *белка*, *оточительный* нож вместо *перочинный* (примеры К.И.Чуковского) и т.п. Подобные факты детского языкового сознания со всей очевидностью свидетельствуют, что внутренняя форма становится объектом особой рефлексии в ситуации непонимания слова или при необходимости уточнить его значение в соответствии с актуальными аспектами восприятия его значения говорящим (см. об этом [Гридина 1998, 2006]).

Интересно в этой связи и то, что «парадоксальная» внутренняя форма весьма характерна для лексики жаргонного происхождения, выступающих средством эвфемизации (ср. *вмандаринить*, *вметелить* в значении «выпить») и экспрессивизации (см. *притараканить* – «принести что-л. громоздкое, неудобное», *отметелить* «побить»). Среди слов такого рода, распространенных в современной разговорной речи (в стилистически сниженном регистре), выделяется глагол *офонареть*. Эта экспрессема не зафиксирована в базовых толковых словарях русского литературного языка [МАС в IV т., 1999, БАС в XVII т.

1984, Ожегов, Шведова 1988 и др.]. В «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи» данный глагол представлен со следующим значением: *жарг.* Потерять способность соображать, прийти в состояние отупения, одуреть [Химик 2004: 414]. В онлайн-словаре русского арго отмечены значения: *Офонареть*: 1. Прийти в какое-л. **крайнее** (подчеркнуто нами. – *И.В.*) эмоциональное состояние (напр., отупеть, устать, возмутиться, удивиться). 2. Надоесть. [Словарь русского арго: http://www.pravoslovo.com/slovar_russkogo_argo/page/ofonaret.8169]. Второе значение проявляется в безличном употреблении глагола. Например: Мне все это офонарело. Семантика интенсивности проявляется в наличии в словарном толковании маркера-интенсификатора *крайнее*, указывающего на экспрессивное значение *наивысшей степени* проявления обозначаемого состояния.

В структурном облике слова считается словообразовательная модель образования отсубстантивных глаголов при помощи конфикса о-...е(ть): *Ты, ей-богу, совсем отетеревел нынче (Бунин); Очень сильно оморщил за последний два года (Трифонов); Он и обородел и обусел (уст. речь) [РГ 1980]*. Словообразовательное значение дериватов данного типа можно сформулировать как «приобрести то, что названо мотивирующим словом; стать похожим на то, что названо мотивирующим словом». Значение же глагола *офонареть*, формально соотносительное с производящим фонарь, не выводится с опорой на семантику этого «мотиватора».

Таким образом, экспрессивность данного слова определяется выразительностью стилистического регистра (связанного со сферой его функционирования), семантикой интенсивности, «парадоксальной» внутренней формой.

Для того, чтобы выявить, как названные аспекты экспрессивности определяют характер функционирования слова в современном русском языке, мы обратились к Национальному корпусу русского языка, а также другим материалам сети Интернет. Согласно данным Национального корпуса, глагол *офонареть* употребляется в художественной речи и в публицистике как средство стилизации, имитации непринужденной речи молодежи:

– *Что, всех, что ли, двоечников из девярых классов? – яростно изумился Служкин.*

– *Ну... восемь человек.*

– *Угроза **офонарела!** – Служкин злобно сшиб пепел с сигареты.*

– *Она не имеет права насильно записывать на экзамен!*

– *Да она не насильно...*(Алексей Иванов. Географ глобус пропил (2002)); ср. также следующий контекст: *Думали мы, думали и решили... Выйти на поле сами – вместо «Зенита» сыграть! Кто-то из наших (а мы все, естественно, уже прилично «нагрузились») подошел с этим предложением к Мананникову, но тот только руками замахал – вы чё, мол, ребята, **офонарели?** – и отказался. В общем, пошли мы шестером. А народу полный стадион – кричалки скандируют, волнуются (из речи футболистов). (Беляков В. «Употреблять обещаю аккуратно. Чтоб не получилось, как в Турине...» // Советский спорт, 2008.09.30).*

Экспрессема *офонареть* употребляется и как прием художественной выразительности, интенсификации воздействующей силы высказывания: *Разбойник увидел меня — босую, обледеневшую, завернутую в простыню. И **офонарел**. Стоял, как **фонарный столб**, с той же степенью деревянности и неподвижности. — Что вы здесь делаете? — изумился он вполне интеллигентным голосом* (Виктория Токарева. Центровка (1964-1994)). В данном контексте, в совокупности с экспрессивной парцелированной конструкцией, глагол *офонареть* служит для передачи крайне высокой степени удивления героя. При этом в внутренняя форма глагола «проясняется» автором через образное уподобление: *офонареть* – значит стоять подобно фонарному столбу («деревянню», «неподвижно»).

В устно-разговорном дискурсе экспрессема *офонареть* служит средством выражения личностного, эмоционально-оценочного отношения к чему-л. воспринимаемому как некая «аномалия»: *Чокнутый мужик! Тряпкой замахивается! Совсем **офонарели!*** (Разговор в семье студентов об учебе (2008)).

Содержательное наполнение глагола проявляется в следующих аспектах его смысловой актуализации (реализации в речи):

– «сильно удивиться»: *Широко, стало быть, встречали. Омские власти замерли в предвкушении волшебства... Англичане походили по Омску. И судя по всему, сначала, простите за выражение, **офонарели**, а потом впали в состояние, которое ещё Пушкин называл сплином – то есть, в безнадежную, чёрную тоску* (Омский мусорный абзац (2003) // «Криминальная хроника», 2003.06.10);

– «обнаглеть»: *Но! Мне стало мало ПРОСТО зарабатывать БОЛЬШИЕ деньги. МНЕ ЖИЗНЕННО НЕОБХОДИМО ЗАРАБАТЫВАТЬ ИХ С МИНИМАЛЬНЫМИ ЗАТРАТАМИ ВРЕМЕНИ. «Во, **офонарел!**» – возможно, скажет большинство* (Из текста рекламы – предложение купить пакет «Казино» (2004) – в значении «сойти с ума», «вести себя странно»: *С новым годом! — Ты что, офонарел? Июнь на дворе!* (Василий Авченко, Андрей Волков. С новым годом! (2003) // «Владивосток», 2003.09.29);

– «устать, утомиться, испытать состояние эмоционального опустошения: *Когда ты офонареешь от этих фокусов, они подкинут еще что-нибудь покруче* (Владимир Скрипкин. Тинга // «Октябрь», 2002).

Таким образом, семантика глагола *офонареть* является диффузной, он употребляется для экспрессивного обозначения ряда эмоциональных состояний в крайней степени их проявления.

Представляется интересным проследить, как отражается экспрессивное содержание данного глагола в сознании носителей языка. С этой целью нами был проведен психолингвистический эксперимент по методике прямого толкования, которая «позволяет обнаружить психологическую реальность значения слова, выявить актуальные для говорящего смыслы, в том числе смоделированные мотивационной формой слова» [Гридина 2013].²⁰

В качестве экспериментальной гипотезы принималось предположение о том, что внутренняя форма слова, которая является прозрачной, но в то же время «не соответствующей» его лексическому значению, определяет особую экспрессию слова.

²⁰ В указанной работе [Гридина 2013: 5-19] анализируются потенциальные толкования детских словотворческих инноваций с учетом вариативных проекций восприятия мотивированного слова.

Респондентами выступили представители молодежной аудитории: молодые люди (девушки и юноши) в возрасте 20-30 лет, всего 35 человек, от испытуемых требовалось объяснить значение глагола-стимула *офонареть* (любым способом, в соответствии с методикой прямого толкования).

В ответах испытуемых нашли отражение разные значения глагола: «удивиться, находиться в состоянии шока» (*очень сильно удивиться чему-нибудь, очень сильно изумиться, удивиться и впасть в крайний ступор, умопомрачительно очуметь, быть ошеломленным, пребывать в состоянии чрезмерного удивления и др.*), «потерять рассудок» (*сойти с ума, окончательно лишиться разума, совсем одуреть*), «обнаглеть», а также «вести себя нагло», «совершать неподобающие поступки» (*чрезмерно обнаглеть, дойти до крайней степени наглости, офигеть, обнаглеть и сделать какую-л. из ряда вон выходящую вещь; совсем потерять совесть, обнаглеть; оборзеть, вести себя очень нагло, делать вещи, не соответствующие моральным принципам других людей; окончательно потерять совесть, проявить чрезмерную наглость в какой-либо ситуации*). При этом обращает на себя внимание тот факт, что в 100% приведенных толкованиях присутствуют оценочные маркеры-интенсификаторы: *сильно, сильный* (*сильно удивиться, сильно изумиться, сильное удивление*), *очень* (*очень удивиться, очень нагло и др.*), частотным является двойной интенсификатор *очень сильно* (*очень сильно удивиться, очень сильное изумление*), *чрезмерно, чрезмерный* (*чрезмерную наглость, чрезмерно обнаглеть, чрезмерное удивление*), *крайний, крайне* (*крайний ступор, крайнее изумление, до крайней степени наглости, крайне неподобающе*), *слишком* (*слишком нагло*), *совсем* (*совсем одуреть*), *окончательно* (*окончательно потерять совесть*), а также эмоционема *умопомрачительно очуметь*. Это свидетельствует о восприятии данного глагола-стимула как однозначно экспрессивного, что связано с присутствием ему семами интенсивности обозначаемого действия /состояния.

Маркерами экспрессивного восприятия значения стимула, а также считываемости его стилистической окраски, служат также экспрессивно-оценочные синонимы, принадлежащие к сфере жаргона: *офигеть, обалдеть, одуреть, оборзеть, впасть в сту-*

пор; просторечная экспрессема *ошеломленный*. Некоторые испытуемые (3 человека) в своих ответах привели и стилистические пометы экспрессивности глагола, связанные со сферой его употребления: *разговорное слово, считаю это слово жаргонным, относится к жаргонам*.

Особенно интересными в свете выдвинутой нами гипотезы о роли парадоксальной внутренней формы в осознании значения экспрессивного глагола являются толкования ложноэтимологического характера. В таких толкованиях «прояснение» внутренней формы соответствует разным типам установления ассоциативной связи между словом-стимулом и псевдомотиватором – по формальному, формально-семантическому или собственно семантическому основаниям²¹. Ср., например, объяснение значения слова-стимула через **образные аналогии**, спровоцированные внутренней формой слова: *очень удивиться, я так думаю: **встать как столб фонарный** от удивления); **округлить** от удивления **глаза, фонари** то есть*. Некоторые испытуемые (двое) рассматривают глагол *офонареть* как производный от жаргонного *фонарь* в значении «фингал, синяк»: *получить фингал под глазом*. Ср. развернутое в метафорическом плане объяснение семантики слова через тот же мотиватор: *глагол образован от жаргонизма **фонарь** в знач. «фингал». Испытать некоторое чувство, схожее с состоянием человека после удара, тумака, оплеухи*. Толкование одного из респондентов фиксирует неясность «происхождения», непонятность мотивировки глагола – при том, что четко осознается его связь с производящим словом *фонарь* (по сути, «отмечается» парадоксальность внутренней формы глагола): *по своей структуре чем-то похоже на слово фиолетово: произошло от слова **фонарь**, но тоже непонятно, почему*.

Таким образом, результаты проведенного эксперимента подтверждают гипотезу о том, что специфическая внутренняя форма, не соответствующая лексическому значению, сообщает сло-

²¹ См. выделение этих оснований и типов народно-этимологической мотивации по характеру осуществляемых сближений в [Гридина 1998].

ву особый «экспрессивный заряд» (в данном случае стимулирует образные аналогии). Кроме того, экспрессивный потенциал глагола *офонареть*, как показали результаты эксперимента, проявляется в таких аспектах, как интенсивная семантика (которую отметили все испытуемые), стилистическая маркированность (считана испытуемыми). В ходе эксперимента респондентами были использованы различные способы толкования стимула: приведение синонимов, развернутое рассуждение о смысловом наполнении слова, толкование в виде «словарной дефиниции» (в некоторых случаях – с использованием стилистических помет), мотивационный перифраз.

ЛИТЕРАТУРА

- Блинова О.И.* Мотивология и ее аспекты. – Томск, 2007.
- Виноградов В.В.* История слов. Часть 2 <http://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=ogoroshit&vol=2>.
- Голев Н.Д.* Динамический аспект лексической мотивации. – Томск, 1989.
- Гридина Т.А.* Потенциальная семантика детских словотворческих инноваций в свете экспериментальных данных: методика прямого толкования // Уральский филологический вестник, вып. 4 (серия «Психолингвистика в образовании»). – Екатеринбург, УрГПУ, 2013. – С.5-19.
- Гридина Т.А.* Онтолингвистика. Язык в зеркале детской речи. 2-е изд., стереотипное. – М., 2006.
- Гридина Т.А.* Проблемы изучения народной этимологии. – Екатеринбург, 1998.
- Матвеева Т.В.* Лексическая экспрессивность в языке: Учебное пособие. – Свердловск, 1986.
- Словарь русского аргю:* http://www.pravo-slovo.com/slovar_russkogo_argo/page/ofonaret.8169
7. *Словарь русского языка:* в 4-х т./ Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1999.
8. *Химик В.В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб., 2004.

©Ваулина И.А., 2013